

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННОСТИ**RELIGIOUS CONTEXTS OF MODERNITY**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131>

EDN: QNUOFQ

**К вопросу о характере православного активизма
в Республике Татарстан на современном этапе**

А.А. Хохлов

*Центр исламоведческих исследований Академия наук Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
Kazan_molodezh@mail.ru*

Резюме. В статье подвергнуто рассмотрению такое специфическое явление современного российского общественного ландшафта, как православный активизм, а также подходы к его интерпретации в светском и церковном дискурсах, тенденции и опыт практической реализации в условиях конкретного территориально-административного локалитета. Делается вывод об очевидном отсутствии в Русской православной церкви общепринятого понимания данного феномена, что предопределяет его внутреннюю негомогенность и поливариативность в сфере практической реализации. Православный активизм в нашей стране обоснованно рассматривать как явление сравнительно молодое, прямо обусловленное общественно-политическими трансформациями и становлением гражданского общества. В широком смысле он нацелен на борьбу за религиозные интересы церкви. Изначально православный активизм приобрел остросоциальную направленность, которую в той или иной мере сохраняет вплоть до сегодняшнего дня. Вместе с тем актуализация данного явления наблюдается прежде всего в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, обладающих динамичной культурной средой, представленностью федеральных органов власти, общественными, религиозными и политическими объединениями, а также средствами массовой информации. Прочие региональные центры пока не обладают набором подобных условий, а характер православного активизма в них обуславливается локальными традициями и правилами. Так, в Республике Татарстан он не просто идейно гомогенен, но и четко структурирован, носит конструктивный характер, что является следствием специфики общественно-политического и этнокультурного развития региона в последние десятилетия.

Ключевые слова: Русская православная церковь, активизм, общество, конфликт, консенсус, интересы.

Для цитирования: Хохлов А.А. К вопросу о характере православного активизма в Республике Татарстан на современном этапе. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 1. С. 121–131. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131> EDN: QNUOFQ

The question of the nature of Orthodox activism in the Republic of Tatarstan at the present stage

A.A. Khokhlov

Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

Kazan_molodezh@mail.ru

Abstract. The article examines such a specific phenomenon of the modern Russian social landscape as Orthodox activism, as well as considers approaches to its interpretation in secular and ecclesiastical discourses, trends and practical experience in a specific territorial and administrative locality. The conclusion is drawn about the obvious absence of a generally accepted understanding of this phenomenon in the Russian Orthodox Church, which determines its internal heterogeneity and multivariance in the field of practical implementation. It is reasonable to consider Orthodox activism in our country as a relatively young phenomenon, directly caused by socio-political transformations and the formation of civil society. In a broad sense, it is aimed at fighting for the religious interests of the church. Initially, Orthodox activism gained an acute social orientation, which it retains to one degree or another to this day. At the same time, the actualization of this phenomenon is observed primarily in the capital cities of Moscow and St. Petersburg, which have a dynamic cultural environment, representation of federal authorities, public, religious and political associations, as well as the media. Other regional centers do not yet have a set of similar conditions, and the nature of Orthodox activism in them is determined by local traditions and rules. Thus, in the Republic of Tatarstan, it is not only ideologically homogeneous, but it is also clearly structured and constructive, which stems from the specifics of the socio-political and ethnocultural development of the region in recent decades.

Keywords: Russian Orthodox Church, activism, society, conflict, consensus, interests.

For citation: Khokhlov A.A. (2025) The question of the nature of Orthodox activism in the Republic of Tatarstan at the present stage. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 1: 121–131. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-1.121-131> (In Russ.)

Говоря о проблеме современного православного активизма вообще и в Республике Татарстан в частности, обоснованным представляется прежде всего терминологическое пояснение, которое позволит пролить свет на суть и адекватное понимание обсуждаемого вопроса. Принято считать, что понятие «активизм» подразумевает различные виды и формы человеческой активности, реализуемой субъектом деятельности в политическом, экономическом, социальном и прочих контекстах. При этом указанная активность, как правило, инициируется рядовыми членами общества, а не является следствием деятельности государственных структур, либо иных властных институций. Таким образом, отличительной характеристикой активизма, как явления, выступает персональная сознательность его акторов, реализуемая с целью тех или иных изменений в окружающей действительности, занимающих для этого активную позицию и, в зависимости от обстоятельств, избирающих путь одиночной деятельности, либо

объединяющихся в группы. Важным в обсуждаемом контексте представляется и другое пояснение: понятия «активизм» и «активность» не тождественны друг другу. Активизм подразумевает наличие более или менее оформленной концепции, базирующейся на конкретных теоретических представлениях. Тогда как активность (к примеру, социальная) может и не иметь фундаментальной базы подобного плана, не реализовывать себя в рамках оформленного идеологического каркаса, ограничиваясь общими, а иногда и вовсе интуитивными побуждениями. Следовательно, «активизм» – понятие содержательно и структурно более сложное. Вместе с тем приходится признать, что, обсуждая данный вопрос на материале религиозных организаций, довольно сложно применить строгое терминологическое разграничение, поскольку религиозные системы и, в частности, христианство, наделяют своих последователей конкретной мировоззренческой парадигмой и задают идеологический вектор их активности, предопределяя содержание и характер их социального, политического и иного самопозиционирования. Исходя из этого, полагаем, что использование термина «активизм», по крайней мере, применительно к социальной деятельности церкви на современном этапе, допустимо наряду с понятием социальной активности, хотя тем самым и не снимается проблема понятийной неоднозначности¹.

Несмотря на то, что социальный активизм ассоциируется, прежде всего, с современностью, те или иные его формы были присущи разным историческим периодам и обществам². При этом с течением времени он закономерно трансформировался (Патеев, 2021: 16). Наиболее интенсивно данные процессы происходили в последние десятилетия преимущественно в западных, индивидуалистских по своей сути культурах, априорно ориентированных на персональную инициативность. Некоторые категоричные исследователи в этой связи стали увязывать активизм с урбанизмом, выделяя стимулы и подчеркивая магист-

¹ В связи с этим любопытным представляется мнение некоторых коллег, озвученное в ходе устного обсуждения поставленного вопроса. В частности, было указано, что термин «активизм» имеет прежде всего политико-идеологическую коннотацию, в то время как «активность» – понятие «более общее, естественное, групповое и мировоззренческое». В пример приводится помощь больным и нуждающимся и тому подобные виды человеческой активности. Преобразование территории вокруг дома не требует особой идеологии, это общечеловеческое. Впрочем, высказанное мнение сущностно не противоречит нашему пониманию обозначенных терминов.

² Так, в середине III в. н.э. во время знаменитой «Киприановой чумы» в Александрии Египетской, христианский епископ Дионисий писал: «Весьма многие из наших братьев от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя и поддерживали друг друга, безбоязненно наблюдали за больными, неутомимо ухаживали за ними и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, исполняясь страданиями других, привлекая на себя болезнь от своих ближних и добровольно принимая на себя их мучения. И многие, ухаживая за больными и подкрепляя других, скончались сами, перенеся на самих себя смерть их... Они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, закладывали уста, носили их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе, обнимали, омывали и украшали одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же, потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников» (Творения).

ральные векторы его развития (Лапшина, 2022: 127–131). По их мнению, в условиях интенсивной урбанизации именно города стали той благоприятной средой, в которой наиболее отчетливо стала проявлять себя разноплановая деятельность их жителей.

Эмпирический материал дает основание утверждать, что обозначенные выводы в равной степени справедливы и в отношении религиозных и, в частности, православных сообществ. Феномен православного активизма в последние десятилетия эксплицитно реализует себя именно в городском пространстве и обладает большинством признаков, имманентно присущих рассматриваемому явлению в целом. Однако в данном случае имеет место и своя специфика. Заключается она в минимизации значения индивидуального начала в пользу актуализации групповых маркеров – тенденция, которая просматривается вполне отчетливо. Иными словами, православный активизм можно определить как активизм коллективистский, по крайней мере в силу того факта, что русская православная культура, как сложный симбиоз этнического и восточно-христианского компонентов, очевидно относится к обозначенной категории³. Важным в таком случае представляется скорее не то, что хорошо конкретно для «меня», а то, что хорошо для «нас» (Myers, 2002: 30). В некотором смысле данный принцип присущ и западным вариантам секулярного и религиозного активизма. Однако нюанс заключается в том, что в первом случае он имеет фундаментальное значение, отодвигая на второй план примат индивидуальных интересов, реализуемых через механизмы коллективности, и легитимируется лишь тогда, когда коллективность (соборность) приобретает первостепенное значение⁴.

При этом, однако, в самой структуре рассматриваемого явления внутренние разделения никуда не исчезают, проявляясь в разности понимания цели и задач церковной социальной активности даже ее непосредственными проводниками. Иными словами, современный активизм в православном исполнении – феномен структурно негомогенный, в связи с чем, закономерно встает вопрос о характере его внутренних дисбалансов, позволяющих понять особенности его функционирования.

Контент-анализ средств массовой информации и блогов по запросу «православный активизм» за последние 10–12 лет показывает, что его проявления в большинстве случаев связаны с общеполитической и актуальной социальной тематикой. Православные активисты особенно ярко проявляли себя в сферах,

³ В данном случае мы используем типологию Г. Триандиса (Триандис, 2007).

⁴ В данном случае понятие «соборность» мы понимаем не в экклезиологическом, а в философском ключе. В связи с этим научный сотрудник Синодальной библейско-богословской комиссии Русской православной церкви А. Кырлежев отмечает: «Термином «соборность» обозначается некий образ идеального соотношения частного и всеобщего, индивидуального и коллективного, который затем применяется и к церковной общине, и к обществу как таковому, возникает универсальный философский принцип. Русские мыслители, продолжавшие хомяковскую традицию: В. Соловьев, С. Трубецкой, С. Франк выдвигали идеи «соборного сознания», «соборного духа», «всеединства» и даже соборности как «солидарности» (С. Левицкий)» (О термине «соборность»).

привлекающих особое внимание СМИ⁵. Р.Н. Лункин связывает данный факт со становлением гражданского общества в России, когда на фоне конкуренции с прочими социальными группами церковь (РПЦ), до того довольствовавшаяся ролью символа государственной идеологии и «хранительницы традиций», попыталась переосмыслить свое место в общественно-политическом пространстве страны, включив в церковный дискурс тему борьбы за собственные религиозные интересы (Лункин, 2021: 7). Была предпринята попытка не формально, а по-настоящему стать влиятельной общественной силой, опирающейся на широкие массы и надежно закрепляющей за собой идейную, духовно-нравственную и интеллектуальную инициативу, претендуя при этом на роль посредника между различными политическими и общественными центрами силы.

Начало этого процесса приходится на 2010-е годы. Он отличался заметной динамичностью, чему способствовал ряд факторов (Лункин, 2021: 11). Зримыми проявлениями внутрицерковных изменений во внешнем поле стали публичные диспуты на политически и общественно значимые темы между духовными и светскими лицами, демонстративные контакты церковных деятелей с политической оппозицией с целью «развития диалога общественных и политических сил, власти и общества», законодательные (иногда охранительные) инициативы священноначалия и церковной общественности, громкие уличные акции и т.п. (Поединок). Однако если в верхних слоях церковной иерархии лидерство в этом процессе уверенно держало за собой статусное духовенство, транслирующее умеренность и осторожность, то на низовом уровне повестку быстро монополизировали активисты, не ограничивавшие себя рамками политкорректности и быстро потеснившие умеренные церковные группы, занятые традиционной просоциальной деятельностью. Как правило, это были представители радикально-консервативных групп (в качестве примера можно привести движения «Божья воля», «Сорок сороков»), делавшие ставку на «брутальный стиль» и заявлявшие о себе громкими акциями, порой неоднозначными этически, эстетически и даже юридически, что закономерно вызывало бурный общественный резонанс в российском информационном пространстве. В конечном счете, результатом происходящего стал перекося, когда голоса иерархов и церковно-общественных деятелей, исповедующих конвенциональный стиль взаимодействия с обществом, были заглушены деятелями, внесшими своей экспрессивной активностью решающий вклад в дискредитацию нарождающегося церковного явления (Православные активисты).

Отсутствие единомыслия по вопросу о самопозиционировании РПЦ в новых условиях, фактический плюрализм и наличие различных центров силы и групп влияния закономерно спровоцировали внутреннюю напряженность, а

⁵ Здесь, конечно, могут возразить, что СМИ «охотятся» прежде всего за «жареными» инфоповодами, что и сказывается на итоговой статистике. И, отчасти, это замечание будет справедливым. Однако лишь отчасти. Дело в том, что церковная инициативность последнего десятилетия действительно отличалась особой интенсивностью именно в рамках общественно-политической повестки.

вслед за ней и внутреннюю дискуссию, которая, стоит отметить, хоть и не была формализована, но имела вполне конкретные очертания. Ее болезненность обусловила интенсивность обсуждений вплоть до сегодняшнего дня. В подтверждение данного тезиса приведем некоторые примеры.

В 2016 г. на портале Русской народной линии была опубликована статья клирика Новосибирской епархии священника Артемия Сильвестрова «Церковь вышла за свою ограду?» (Церковь...). Разбирая терминологический вопрос, о. Сильвестров настаивал на том, что термин «православный активизм» некорректен и сам по себе является «выдумкой журналистов и стоящих за ними политических сил», ставящих своей целью «дискредитацию церкви». Священник предлагал называть явление иначе – общественным активизмом, поскольку в его рядах состоят не только православные верующие, но и представители прочих религиозных течений, объединенных идеей борьбы за традиционные духовно-нравственные ценности. Их активность является своеобразной лакмусовой бумажкой морально-этического состояния российского общества. В условиях несовершенства отечественной юридической системы в целом и механизмов правового регулирования в частности, общественные активисты вынуждены обращать внимание власти и общественности на нравственное неблагополучие общества и нарушение собственных прав посредством методов гражданской активности: общественных актов, пикетов, перфомансов и т.д. Обходя стороной очевидную ненормативность некоторых из них, священник утверждал, что отнюдь не церковь является источником пробивающегося на поверхность общественного конфликта. Поневоле являясь его стороной, она оказалась в таких условиях, когда не остается иных вариантов, как отвечать на брошенный ей вызов (Церковь). Иными словами, реакция церкви на внешние раздражители в виде различных проявлений социальной активности говорит о ее реактивности, которая обуславливается объективными обстоятельствами, а, следовательно, таковая принципиально не может нести в себе признаков деструктивности.

Апология некоторых форм современного православного активизма в варианте священника Артемия Сильвестрова, таким образом, отражает взгляды той части церковного сообщества, которая исповедует принципы «активной гражданской обороны». Между тем, далеко не все представители православного духовенства проявили и проявляют солидарность с такими подходами. Так, священник Святослав Шевченко отмечал:

«Сегодня в наш лексикон прочно вошло словосочетание «православный активизм». С одной стороны, радует, что в Церкви появились люди, которые готовы отстаивать в секулярном развращенном обществе христианские ценности. С другой стороны, пугают отдельные радикальные формы миссионерской деятельности некоторых православных активистов» (Православный активизм). Он определил данные проявления как «шоковую миссию», которая принципиально неотличима от одиозного панк-молебна «Pussy Riot» (Православный активизм). Как следствие, «вся миссионерская риторика некоторых активистов

нынешнего времени сводится к подаче сигналов опасности. Страшилки и пугалки о непременном Божьем возмездии для грешников рисуют Бога злобным демиургом, жаждущим отмщения. Из Творца на наших глазах лепят церковного бабая» (Православный активизм...).

Неудивительно, что «православный активизм» понимается пастырем совсем иначе: «...нам давно пора скидывать с себя ветхозаветные шубы и облакаться в ризу правды Божией Любви. Тогда сразу захочется искать вокруг себя не врагов, но друзей и братьев во Христе» (Православный активизм...).

Иными словами, общественная активность церкви, по мысли о. Шевченко, должна иметь созидательный и умиротворяющий, а не провокационный и антогонизирующий характер. К слову, с данной точкой зрения оказался согласен и некий церковный аноним, попытавшийся возвысить голос той части церкви, которая на фоне скандалов и неоднозначных информационных поводов незаслуженно оказалась в тени. Он изложил свое видение вопроса на странице влиятельного федерального СМИ, пожелав при этом остаться неизвестным:

«Православные активисты – это совсем другое. Это Свешниковы из фонда «Мой Мио», Лида Мониава и волонтеры и сотрудники фонда помощи хосписам «Вера», московская православная служба «Милосердие» с их «Ангаром спасения» для бездомных и другими 23 социальными проектами, сотрудники 27 кризисных центров для женщин, попавших в трудную ситуацию.... Это более 60 центров реабилитации наркозависимых по всей стране. Это Свято-Софийский детский дом, который открылся в марте 2015 г. и стал одним из первых негосударственных домов для детей с тяжелыми множественными нарушениями развития» (Чем занимаются...).

Таким образом, различие взглядов представителей Русской православной церкви на одно и то же явление, по всей видимости, объясняется с одной стороны концептуальной незрелостью православного сообщества в аспекте социальной деятельности, с другой – персональными взглядами его представителей, ассоциирующих себя с активной общественной позицией. Указанная неоднородность особенно ярко проявляется в позиции сотрудницы одной из региональных епархий Оксаны Ивановой. Видный общественный деятель, на сегодняшний день известная участием в крупных проектах и инициативах, а также громких акциях, получивших освещение и в федеральных СМИ⁶, видит мотивы, цель и задачи пробудившейся церковной активности настолько специфично, что это позволяет говорить об особом варианте православного активизма – политическом. По мнению О. Ивановой, «однажды перестав быть государственной, сегодня Русская церковь упорно пытается найти свое место в обществе и

⁶ Сюда можно отнести создание Музея святости, исповедничества и подвижничества на Урале в XX в. в Екатеринбурге, а также Музея Казанской епархии; попытку баллотироваться в Екатеринбургскую городскую думу, организацию акции «Не растопчи любовь» у «Супрематического креста» Покраса Лампаса в том же Екатеринбурге, за что О. Иванова обратила на себя внимание правоохранительных органов, публичное порицание телеведущего И. Урганта за его «шутку» на федеральном телевидении о Рождестве и т.д.

выстраивать диалог с государством и социумом» (Иванова, 2021: 72). При этом «есть тайная или явная поддержка гражданской активности верующих со стороны епископата, который разумно хотел бы иметь ориентированную на иерархию и независимую от государства общественную силу, лояльную Церкви» (Иванова, 2021: 72). В итоге посредством активной общественной позиции церковных деятелей прямо ставится вопрос о политическом влиянии РПЦ в российском обществе. Этот шанс, с точки зрения активиста, Церкви непременно необходимо всесторонне использовать: «Современное российское православие находится в невероятно творческих и свободных поисках политического действия. Возможно, в такой степени это происходит впервые за тысячу лет» (Иванова, 2021: 73).

Трудно сказать, насколько данный подход востребован в церковной среде, в особенности, среди иерархов и статусного духовенства. Судя по откровениям О. Ивановой, база таковой не просто имеет место, но и достаточно широка. Вместе с тем, очевидно, что ни одна из приведенных точек зрения на сегодняшний день не может считаться в РПЦ общепринятой. Единственное, о чем можно судить определенно, что ответ на данный вопрос коррелирует со статусом церковного лица (группы и ее лидера), олицетворяющего конкретную позицию, его место в иерархии и церковной структуре, авторитет и общественный «вес», а также условия локалитета, в котором находит воплощение соответствующая активность. Так, в случае с Республикой Татарстан (далее – РТ) последний фактор играет одну из ключевых ролей, как в силу этнокультурной специфики региона, так и его места в политико-административной структуре Российской Федерации.

Судя по локализации инфоповодов с участием православных активистов, наиболее громкие с точки зрения общественного резонанса и радикальные по форме события имели место, прежде всего, в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге. Очевидно, этому способствует особая культурная среда, характеризующаяся высоким уровнем развития, концентрацией органов власти и крупных общественных объединений, плюрализмом мнений, «продвинутой» форм их выражения, конкурентностью, а также насыщенностью влиятельными средствами массовой информации. Из прочих региональных центров исключение в данном случае представляет разве что Екатеринбург, позиционирующий себя столицей крупного и значимого политически и экономически макрорегиона, примеряющего на себя некоторые признаки столичности. Так, еще раз отметим, что именно в Екатеринбурге в 2019 г. развернулось масштабное общественное противостояние вокруг инициативы строительства (восстановления) в одном из центральных скверов города православного храма, стороной в котором выступила церковь в лице местной епархии. И данный эпизод в рассматриваемом контексте отнюдь не единичен. В остальном, находясь на периферии магистральных процессов, регионы не обладают набором условий, необходимых для формирования соответствующего потенциала, способствующего проявлению общественной активности определенного характера и формата.

Ключевым элементом, влияющим на православный активизм на местах, следует считать систему государственно-церковных отношений. Даже поверхностный анализ показывает, что властно-общественная конфигурация в разных регионах может складываться по-разному. Однако, как правило, за пределами столиц государственные и муниципальные власти достаточно уверенно контролируют общественные процессы, создавая устойчивые и предсказуемые модели взаимодействия властных и общественных групп. В Татарстане эта особенность подкрепляется наличием крупной и влиятельной мусульманской общины, балансирующей интересы и активность Православной церкви, в том числе посредством периодически организуемых совместных инициатив и мероприятий. Прочная и устойчивая взаимосвязь религиозных организаций при третьей роли государственных структур способствует устойчивости принятой модели и минимизации потенциального «своеволия». По сути, она не предполагает каких бы то ни было неожиданностей и неформатной деятельности религиозных лиц и групп на манер тех, которые периодически имеют место в столичных городах, а конвенциональность деятельности (такая, какой ее понимают в данном регионе) выступает одним из ключевых требований общественного самопозиционирования. Принятые «правила игры» априорно способствуют исключению из повестки радикальных уклонов, обеспечивая поддержкой (административной, информационной и т.д.) и выводя на передний план социально полезную деятельность тех или иных общественных объединений.

Событийный нарратив наглядно подтверждает выдвинутый тезис. Так, отличительной особенностью общественного активизма православного сообщества РТ следует считать ее отчетливо социальный уклон. Активность православной службы помощи «Милосердие-Казань», медицинского отдела Казанской епархии (к примеру, волонтерство в медицинских и социальных учреждениях и т.д.), епархиального общества «Трезвение» (противодействие наркомагии и алкоголизации), Центра защиты семьи, материнства и детства «Умиление» практически полностью замыкают на себе соответствующую региональную информационную повестку. Казачьи сообщества, культивирующие военизированную идеологию и, вместе с тем, ассоциированные с православными приходами, в своей деятельности в целом также следуют в общем фарватере, направляя свои усилия на обеспечение общественного порядка в дни больших православных праздников и организацию гуманитарных акций в поддержку Специальной военной операции (СВО). Примеры подобного плана можно существенно расширить, и все они будут укладываться в выше обозначенную логику. Важным здесь представляется то, что указанная модель де-факто является социальным конструктом, целенаправленно формировавшимся в республике в последние десятилетия и базирующегося на принципе преемственности внутренней политики в регионе и особой роли государственных структур в ее реализации.

Таким образом, подводя итог, можно сделать несколько принципиальных выводов. На сегодняшний день в Русской православной церкви отсутствует

единая точка зрения на характер и содержание православного активизма. Это предопределяет многообразие примеров его практической реализации. Дискуссия на этот счет в церкви все еще продолжается и сохранит свою актуальность в обозримом будущем. Одним из ключевых факторов, определяющих вариативность рассматриваемого явления в российском общественном пространстве следует считать региональную специфику, проходящую по линии «столицы–провинция». При этом в Республике Татарстан в новейший период сложилась своя собственная модель как результат самобытного и творческого подхода власти к регулированию социальных процессов в регионе. Она не только предполагает стабильность, но и создает устойчивую основу для прогнозирования ситуации и снижения вероятности непредсказуемых явлений и процессов. Учитывая тот факт, что ряд форм современного общественного активизма предполагает примат либеральной парадигмы в социальной действительности, в условиях традиционализации российского общества возможность таковых существенно снижается. Вместе с тем, это не исключает вероятности противоположных эффектов, признаки которых проявляют себя в ряде случаев.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

В Казани в музее Казанской епархии открылась выставка «Царственная святость: Российский император Николай II и его семья». URL: <https://tatmitropolia.ru/newses/kaznews/?id=79746&ysclid=m0hukjq3nm660521453> (дата обращения: 4.07.2024).

Протоиерей Чаплин обсудил с блогером Навальным протестные митинги. URL: <https://www.interfax.ru/russia/226584> (дата обращения: 12.06.2024).

Православные активисты создают общественное движение «Божья воля». Протоиерей Николай Карасев, о благословении которого на деятельность в храмах заявляют активисты, с организаторами движения пока не знаком. URL: <https://iz.ru/news/545898> (дата обращения: 2.07.2024).

Творения св. Дионисия Великого, епископа Александрийского, в русском переводе Казань: Казанск. духовная акад., 1900.

Церковь вышла за свою ограду? URL: https://ruskline.ru/special_opinion/2016/01/cerkov_vyshla_za_svoyu_ogradu?ysclid=ltfgw56clf885466155 (дата обращения: 5.03.2024).

Православный активизм: промахи и успехи. URL: <https://svyatoslav.livejournal.com/518951.html> (дата обращения: 4.07.2024).

Чем занимаются настоящие православные активисты. К сожалению, человек разрушающий имеет куда больший медийный потенциал, чем человек созидательный. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/08/20/605491-chem-zanimayutsya-nastoyaschie-pravoslavnie-aktivisti> (дата обращения: 4.07.2024).

О термине «соборность» в Символе веры и истории. URL: <https://azbyka.ru/o-termine-sobornost-v-simvole-very-i-istorii> (дата обращения: 4.03.2024).

Поединок с Владимиром Соловьевым. 4.07.11. URL: https://www.youtube.com/watch?v=473-YpFBaYo&ab_channel=MusinkaOshay (дата обращения: 4.02.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Myers David G. *Social Psychology*, 7th ed. Boston [etc.]: McGraw-Hill, 2002.

Иванова О.В. Церковь в общественно-политической сфере (на примере Екатеринбурга и Свердловской области) // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 8 (13). С. 72–73.

Лапшина В.С. Социально-философский феномен урбанистического активизма // KANT. 2022. № 1 (42). С. 127–131.

Лункин Р.Н. Гражданское общество и политический активизм: пробудит ли вера политический активизм? // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 8 (13). С. 6–21.

Патеев Р.Ф. Исламский активизм в татарском сообществе: сущность и исторические формы // Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 13–71.

REFERENCES

Ivanova O.V. (2021) The Church in the socio-political realm (on the example of Yekaterinburg and the Sverdlovsk region). *Sotsiodigger*. Vol.2. Issue 8 (13): 72–73. (In Russ.)

Lapshina V.S. (2022) Socio-philosophical phenomenon of urban activism. *KANT*. No.1 (42): 127–131. (In Russ.)

Lunkin R.N. (2022) Civil society and political activism: will faith awaken political activism? *Sotsiodigger*. Vol.2. Issue 8 (13): 6–21. (In Russ.)

Myers David G. (2002) *Social Psychology*. 7th ed. Boston [etc.]: McGraw-Hill.

Pateev R.F. (2021) Islamic activism in the Tatar community: the essence and historical forms. In: *Islam and religious activism in the Republic of Tatarstan*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences Publ.: 13–71. (In Russ.)

Сведения об авторе: Хохлов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ; доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>; e-mail: kazan_molodezh@mail.ru

About the author: Alexander A. Khokhlov, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor at the Department of Tatarstan History, Anthropology and Ethnography, Kazan (Volga region) Federal University (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>; e-mail: kazan_molodezh@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 22.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised 29.01.2025

Принята к публикации / Accepted 10.01.2025